

Велагаев Яраги Тагирович,
магистрант 2 курса, магистерской программы
«Отечественная история и историческое краеведение»,
Дагестанский государственный университет, г.Махачкала
Velagaev Yaragi Tagirovich
2nd year master's student, master's program
"Russian History and Historical Regional Studies",
Dagestan State University, Makhachkala

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ RESULTS AND CONSEQUENCES OF GEORGIA'S ACCESSION TO RUSSIA

Аннотация: В статье рассматриваются последствия присоединения Грузии к России, а также итоги подписания Георгиевского трактата. Проанализированы этапы переговоров в условиях сложной внешнеполитической обстановки, повлиявшей на принятие соглашения.

Abstract: The article examines the consequences of Georgia's accession to Russia, as well as the results of the signing of the Treaty of Georgievsk. The stages of negotiations in the context of a complex foreign policy situation that influenced the adoption of the agreement are analyzed.

Ключевые слова: Грузия, Россия, горцы, император, Иран, Турция, дагестан, Георгиевский трактат

Keywords: Georgia, Russia, highlanders, emperor, Iran, Türkiye, Dagestan, Treaty of Georgievsk

После того, как известия о разорении Тифлиса дошли до российских властей, принимается решение отправить на помощь грузинам имеющиеся поблизости силы. Несмотря на трудности перехода поздней осенью через горы, в ноябре из Моздока выступили два егерских батальона под командованием полковника Ивана Ефремовича Сырохнева (1 480 строевых, 30 казаков и 6 полевых орудий). Эти скромные силы естественно не могли противостоять армии персов. Но зная, что со снабжением даже такого отряда царство Ираклия II плохо справлялось и лучшие годы, пред-почли основной удар наносить в Прикаспии. Отряд под командованием генерал-майора Ивана Дмитриевича Савельева двинулся в Дагестан, где ему следовало, организовав местных владетелей, «обязать их собрать войска для общей обороны против персиян...» [1].

Эти действия русских заставили армию персов отступить в Хорасан. Ситуация несколько стабилизировалась, но «каджарская опасность» не исчезла и могла быть решена только устранением Ага Мухаммед-хана. В марте 1796 г. Россия объявила ему войну, и армия под командованием Валериана Александровича Зубова двинулась на Каспий. Казалось, что надежды Маленького кахетинца наконец-то оправдаются. Одной из целей похода, поставленных императрицей, было восстановление власти «царя Ираклия не только в столице, но и в прочих областях его» [2] Сам грузинский правитель теперь был не прочь с помощью своего сюзерена навести порядок и внутри государства, и в обращении к В.А. Зубову отмечал, что «восстановить единовластие и уничтожить уделы [в Грузии] он, по старости лет, не может, предоставляя всё в полную волю е.и.в.» [3] Последовала череда побед, и русская армия заняла Дербент, Шемаху, Баку, Сальяны, Ган-джу. Политический авторитет России среди местных правителей, будучи подкреплённым наглядной демонстрацией силы, значительно укрепился. Но смерть Екатерины II привела к прекращению похода и выводу русских войск с уже занятой территории. Ага Мухаммед-хан поспешил представить случившееся как страх русских перед его непобедимым войском и начал готовить новое вторжение на Кавказ.

Если Екатерина Великая была привычным для грузинского царя покровителем, то чего ждать от нового императора, в Грузии не знали. После паузы, связанной с коронацией Павла I, князь Г. Чавчавадзе обратился к нему с просьбой своего правителя забрать Картли-Кахетию под защиту России, утвердить наследником престола сына Георгия, других де внуков принять

на русскую службу и распространить на Грузию законы империи. Последнее можно трактовать как шаги в сторону углубления интеграции владений Ираклия II в состав России и попытку преодолеть царивший здесь управленческий хаос. Без постоянного присутствия императорских войск справиться со смутой и разорением в стране царь уже не рассчитывал. При этом, видимо, понимая, что его политические амбиции привели к разочарованию в нём русской власти, он обещал не использовать «находящегося у него российского войска, без особого повеления, употребить вне границ Грузии и с соседями своими будет обращаться самым дружественным образом и столь долго, сколько то угодно будет повелеть ему продолжить» [4].

Фактически речь шла о полном делегировании забот по обеспечению безопасности Восточной Грузии Российской империи. В крепостях командование передавалось русским комендантам, которые утверждались бы волею императора. Местные рудники также передавались в распоряжение русских начальников. Ответ ещё не был получен, а ситуация в Персии кардинально изменилась. От рук своих слуг-заговорщиков погиб свирепый Ага Мухаммед-хан, до этого успевший занять Шушу, и российское правительство считало излишним держать войска в Картли-Кахетии.

Однако пауза затягивалась: с июня по декабрь 1797 г. Павел I никак не отреагировал на обращение князя Г. Чавчавадзе. Тот пытался через канцлера – светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко – выяснить судьбу своего Отечества и в конечном итоге получил от сановника устный ответ, что «просьбы посла грузинского ныне удовлетворены быть не могут».

Поддержка любого претендента на грузинский трон была для России опасна обретением в лице его соперников непримиримых врагов [5].

Положения трактата 1783 г. вновь стали определять основу русско-грузинских отношений, что отразилось в утверждении Петербургом кандидатуры Георгия XII на царство и назначении к его двору полномочного министра. Им стал Пётр Иванович Коваленский, получивший инструкцию следить за связями царя с османами, персами и лезгинами; также он должен был также заботиться о распространении и поддержке православия, «о просвещении грузинского народа и об уничтожении в правлении страны лютости, разврата и безначалия, существовавших между персидскими и другими азиатскими владетелями». Суверенитет Картли-Кахетии становился всё более иллюзорным, и это не было инициативой российской стороны. Ни вопросы внешней безопасности, ни проблемы наведения порядка внутри самой Грузии её правители самостоятельно решить не могли. Их интересы всё больше замыкались на сохранении формальных атрибутов царской власти. Этому в немалой степени способствовали действия правителей Персии. Фетх Али-шах, сменивший убитого предшественника, присылал в июне 1800 г. ко двору Георгия XII письма, которые, «быв наполнены страшных по обычаю угроз, основаны на требовании в залог верности царской к Баба-хану царевича Давида, старшего сына царского» [6].

Павел I определился с решением о принятии Восточной Грузии в состав России, что и подтвердил своим манифестом 18 декабря 1800 г. Предполагалось объявить об этом после согласования необходимых формальностей с грузинским царём. Подготовленные документы тайный советник Георгий Иоаннович Авалов и статс-секретарь Елеазар Палавандов должны были доставить к нему в ближайшее время.

Но смерть Георгия XII 28 декабря 1800 г. внесла сумятицу в, казалось бы, уже решённый вопрос. Царевич Давид, как наследник Картли-Кахетии, не оспаривал волю усопшего родителя. Об этом должны были уведомить Петербург вновь отправлявшиеся туда посланцы, которым и предстояло в ходе торжественной аудиенции подписать «обоюдный акт» [7].

Но ещё до их прибытия, 18 января 1801 г., император Павел I опубликовал манифест, гласивший: «Царь Георгий Ираклиевич, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и сам народ Грузинский прибегли ныне к покрову нашему, и не предвидя иного спасения от конечной гибели и покорения врагам их, просили чрез присланных полномочных о

принятии областей, Грузинскому Царству подвластных, в непосредственное подданство Императорскому Всероссийскому Престолу». Вместе с этим решением Георгиевский трактат окончательно канул в лету.

Список литературы:

1. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / [Соч.] Н. Дубровина. Т. 1-6. – Санкт-Петербург: тип. Деп. уделов, 1871-1888. Т. III. С. 62 – 63.
2. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. II. Вып. II. С. 152.
1. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII–80-е годы XIX в.). М.: Мзд-во Моск. ун-та, 1984. С. 89.
3. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издат. центр СГПИ, 2005. С. 195.
4. Гарунова, Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – в первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции / Н. Н. Гарунова; Гарунова Н. Н.. – Махачкала, 2007. С.56.
5. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796 – 1801 гг.). Армавир – Славянск-на-Кубани, 1999. С. 91.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXVI. № 19721. С. 502.

